

АНТРОПОЛОГИЯ ПИТАНИЯ

В. В. Боброва

ЯКУТСКАЯ КУМЫСНАЯ ПОСУДА В СОБРАНИЯХ МАЭ РАН*

А Н Н О Т А Ц И Я. Рассматриваются виды традиционной посуды для приготовления и хранения кумыса у народов Якутии. Эти предметы находятся в Сибирском фонде МАЭ РАН и могут дать представление об основных типах, формах, орнаментах, способов изготовления якутской кумысной утвари. Следует отметить, что одним из главных достояний материальной культуры якутов является чорон, не имеющий аналогов у других народов. Различные факторы, такие как суровый климат, вечная мерзлота, особенности природного ландшафта территории, определили специфический путь развития жизни, культуры и быта коренных народов Якутии. Цель работы — познакомить исследователей с коллекциями МАЭ РАН, включающими якутскую кумысную посуду, дать обзорное описание собраний и способов их поступлений в музей.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: коллекции МАЭ РАН, кумысная посуда, материальная культура, Сибирь, чороны, Якутия

УДК 642.7:39(571.56)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-60-66

БОБРОВА ВАСИЛИСА ВАСИЛЬЕВНА — старший хранитель фонда этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: bobrovva.vasilek@yandex.ru

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10002).

Изучение материальной культуры играет важную роль в этнографических исследованиях. Исследуя основные составляющие культуры определенного народа нельзя упускать из вида связи и смыслы, которые несут в себе те или иные предметы. Материальная сфера является базисом всего жизненного уклада. Из этого следует необходимость самого тщательного анализа различных вещей и их прикладного назначения. В статье будет рассмотрена кумысная посуда народа саха, входящая в коллекционное собрание МАЭ РАН.

Как отмечал С. В. Бахрушин в работе «Исторические судьбы Якутии», «среди прочих туземцев (имеются в виду тунгусы, коряки, чукчи, юкагиры, чуванцы, ходынцы, ительмены и др. — В. Б.) якуты в XVII и XVIII вв. довольно резко выделялись своей сравнительно высокой культурой. Культура эта проявлялась во всем их материальном быте, в жилище, в одежде» (цит. по: Хабарова 1981: 6). Суровые климатические условия, вечная мерзлота, труднодоступность определили и сформировали специфический уклад жизни народов, населяющих территорию Якутии. При этом особый интерес вызывает система питания якутов. Их кухня самобытна и имеет специфические особенности. Отдельной темой является генезис деревянной кухонной утвари, ее место в обиходе и сложение образов народно-прикладного искусства.

В материальной культуре якутов особое место занимает чорон, история которого связана с потреблением кумыса. Чорон, по словам Э. К. Пекарского, «деревянная цилиндрическая посуда для кумыса разных размеров, на одной или трех ножках (украшена резьбой); сосуд вроде кубка-братины, кувшин, чаша (чашка), бокал; высокий сосуд с поддоном» (Пекарский 1959: 3650). Существует несколько версий возникновения чорона.

По словам А. П. Окладникова, «чороны представляют собой исключительное достояние материальной культуры якутов. Таких сосудов нет сейчас ни у одного другого народа». По мнению автора, форма и орнамент является местной основой чоронов, так как в основе орнаментации сосудов находятся те же компоненты, что и в «глиняных сосудах из поселений раннего железного века Якутии», относительно формы чорон повторяет «круглодонные удлиненно яйцевидные глиняные сосуды раннего железного и бронзового веков». Таким образом, А. П. Окладников считал, что чороны «возникли в результате своеобразного скрещения местных форм круглодонных сосудов, покрытых зональным орнаментом из выпуклых валиков, и заимствованной формы скифского котла с его высоким коническим поддоном» (Окладников 1955: 290).

Вторую версию происхождения чоронов высказал И. А. Потапов, который предполагал, что якутские племена бронзового века имели культурные связи с представителями степных областей Южной Сибири, Забайкалья и Китая. О данном факте свидетельствуют «скифские» бронзовые котлы, которые были найдены на территории Якутии. Именно такие котлы стали прототипами для деревянных котлообразных кубков на конической подставке-ножке и основополагающим элементом в формировании нового типа посуды. «Их полусферическая форма была механически соединена с конусовидными очертаниями деревянных или берестяных кумысных сосудов, что и привело к появлению чоронов» (Потапов 1972: 61–63). И. А. Потапов писал, что подтверждением подобного слияния может считаться то, что на ранних экземплярах чоронов, помимо их облика и формы, присутствовали декоративные валики — своеобразные соединительные швы (Потапов 1972: 61–63).

По мнению В. В. Ушницкого, «в целом схема образования чорона представляется нам примерно следующей: на ножки-подставки, привнесенные на среднюю Лену тюрками, водружались круглодонные керамические сосуды, издавна существовавшие у палеоазиатов Якутии. Со временем ножки и тулово ритуальных сосудов стали делаться цельными, что отличало их от обыденных горшков. Окончательно оформление чорона произошло, по всей вероятности, довольно поздно, что нашло отражение в устных народных преданиях об Эляе, которого легенды персонифицируют как изобретателя кумысной посуды. А. Н. Алексеев считает чороны результатом симбиоза аборигенной культуры палеоазиатов (тулово и орнамент чорона) и культуры пришлых тюрков (ножки, ритуально-культовое предназначение чоронов). В настоящее время чороны имеются только

у якутов и являются, по его мнению, своеобразным показателем синтезированного этнического происхождения народа саха» (Ушницкий 2008: 126).

Следующая версия происхождения чоронов была высказана В. А. Киселем. Согласно ей, «чороны, имеющие высокие поддоны, скорее всего, возникли как деревянная имитация драгоценных кубков на ножках, распространенных у кочевников тюркской и ордынской эпохи. Появление образцов посуды на трех ножках представляется отголоском триподов и их модификаций, широко известных с неолита и бронзового века в Китае, Монголии и Забайкалье. Вариант этой группы — чороны на стилизованных лошадиных ногах, возможно, является или продолжением скифо-сибирской традиции, или самостоятельным якутским изобретением, созданным на базе древних трехногих сосудов» (Кисель 2003: 75).

Технология изготовления чоронов была описана в труде В. Л. Серошевского «Якуты: опыт этнографического исследования»: «Якутские деревянные чашки, кубки для кумыса выделяются всегда из одного, хорошо просушенного цельного куска березы. Судя по украшениям, умение готовить эту посуду нисходит у якутов к глубокой древности. Вся она сделана от руки. О токарных станках у якутов, даже о том грубом подобии их, которое встречается у наших деревенских колесников, я никогда не слышал и не видел их. Деревянные изделия якуты охотно красят, но не полируют и не покрывают лаком. Единственное исключение представляет, пожалуй, кумысная деревянная посуда, которую ежегодно, складывая в амбары для хранения на зиму, смазывают сверху густо сливками или маслом, что, по мнению якутов, предохраняет ее от растрескивания. Действительно, жир, впитываясь в дерево, уменьшает его чувствительность к влажности и делает сосуд прочнее, тверже, вместе с тем глаже становится его поверхность; это-то и нравится якутам» (Серошевский 1993: 354).

Также необходимо отметить особое значение, которое придавалось процессу изготовления кумысной посуды. Элэй, первопредок народа саха и культурный герой, первый создает образцы кумысной посуды и «своеобразный дизайн праздничного пространства», под которыми подразумеваются специальное место для проведения обряда, сооружение ритуального шатра, обряд жертвоприношения кумысом, правила этикета при организации гостей, непосредственно приготовление ритуального напитка, церемонии и угощения (Якуты 2012: 208–209). То есть еда, белая пища — пища богов, становится метафорой божественного, а для божественного нужна посуда, которая будет мифологической репликой, берущей начало от героя-просветителя.

Важность сбора образцов кумысной утвари заключалась в том, что в связи с растущей глобализацией, интеграцией с другими культурами и другими схожими процессами, необходимо было сохранить культурное многообразие для последующей репрезентации. Например, В. И. Иохельсон писал о том, что якутские артефакты в дальнейшем будет очень сложно найти, так как воздействие климата, современных условий и русской культуры влияет на традиционную культуру народа саха и многие элементы этой культуры исчезают, например перестают использовать некоторые виды орнаментов (Jochelson 1906: 257–261). Исследователь дал подробное описание кумысной ритуальной посуды, особенно уделил внимание орнаменту. Специально для В. И. Иохельсона в мае 1902 г. в с. Чурапча был проведен Ысыах, после которого все праздничные атрибуты были отправлены в музей Нью-Йорка (Романова 1994: 9).

В собрании МАЭ РАН представлены различные предметы, связанные с традицией потребления кумыса, его изготовления и хранения.

В 1891 г. в музей была передана коллекция исследователя Сибири и Дальнего Востока Ричарда Карловича Маака. Работая в сфере педагогики в Иркутской губернии, он совершил ряд значительных экспедиций: в Вилюйский округ (1853–1855), Амурский край (1855–1856), долину реки Усури (1859–1860). В период проведения экспедиций «неутомимый Маак», который после возвращения из Вилюйской экспедиции был поставлен во главе второго Амурского сплава географической экспедиции (История полувековой деятельности 1896), собрал множество предметов быта и культуры якутов и тунгусов, среди которых, помимо прочего, встречается несколько сосудов для кумыса

различной формы: два чорона круглой формы среднего размера на трех ножках, два сосуда эллипсоидной формы на конических поддонах и сосуд для хранения кумыса — симиир — сшит из трех кусков кожи. Сам Р. К. Маак отмечал: «Все чороны имеют одинаковую форму, за исключением атахта чорон, у которых три ножки» (Маак 1994: 114), т. е. бытовали чороны как с ножками, так и без них; под «одинаковой формой» исследователь описывает кумысные сосуды, нижняя часть которых представляла собой только «ручку для держания сосуда» (Маак 1994: 114), однако в коллекции, переданной в музей, представлены только сосуды с ножками (МАЭ, кол. № 334).

Следующая коллекция была передана в дар от Императорского Русского географического общества в музей в 1897 г. Она состоит из моделей якутских вещей, собранных по всей Якутской области аргентинским натуралистом и энтомологом Фредерико Гуильермо Карлос Бергом. Предметы коллекции, имитирующие кумысную посуду, выполнены из дерева, кожи, бересты. В собрание входят такие модели, как *кэггэр* — сосуд из воловьей кожи, сшитый сухожильными нитями и украшенный подвесками — металлическими круглыми бляшками, вместимость сосуда 4 ведра; *сиришит* — ведро из воловьей кожи, цилиндрической формы, также с круглыми металлическими подвесками, вмещает 30 ведер (во время празднования Ысыаха — главного праздника якутского народа /Николаева 2015: 4/, в этом сосуде подают кумыс); *айах* — крупный чорон (также использовался во время Ысыаха), выточен из цельного куска дерева, с коническим поддоном и покрыт горизонтальными геометрическими лентами орнамента, в натуральную величину вмещает 3 ведра; деревянный сосуд *маторчах* с плоским вставным дном, покрытый резным геометрическим орнаментом, выполненным узкими поперечными лентами, вмещает 1/8 ведра; *кэриэн ымый* — также деревянный сосуд (вместимость 2 ведра) цилиндрической формы с резным геометрическим орнаментом; *сылгы-чыбычага* — сосуд, сделанный из бересты и охваченный обручами из расщепленного корня, который использовался для разведения кумыса водой; берестяной сосуд *сар егас*, сшитый из одного куска бересты, с круглым, плоским дном, обшитый горизонтальными полосками бересты, обхвачен поверх полосок расщепленным корнем; *егас* — применялся для разноса напитка, выполнен из бересты с четырьмя обручами из расщепленного корня (МАЭ РАН. Описание кол. № 332. Л. 2–7). Стоит отметить, что все вышеназванные предметы выполнены в небольших размерах, не более 10 сантиметров, в качестве моделей реальных вещей.

Коллекция, в которой находится больше всего кумысной посуды, была передана в МАЭ РАН в декабре 1906 г. Виктором Николаевичем Васильевым. Выехав из Петербурга в январе 1905 г. в составе Хатангской экспедиции, Виктор Николаевич обследовал районы озер Ессея, Яконды, рек Котуя, Мойеро (Хатанга), Анабар, Виллой. В этот период ученый собирал различные этнографические материалы, связанные с якутами, тунгусами и долганами. В отчете по экспедиции В. Н. Васильев пишет о том, что благодаря хорошему знанию якутского языка он был переводчиком, но главная его обязанность заключалась в сборе коллекций и изучении традиционной культуры. «В течение 10 месяцев ими было пройдено более 6000 верст по району обитания трех народностей: илимпейских тунгусов, долган, есейских якутов» (Ефремов 2012: 40). В результате был собран богатый этнографический материал. Вернувшись в 1906 г. после неудачной поездки на Камчатку через Владивосток, исследователь был зачислен в штат МАЭ и занялся регистрацией и обработкой обширных материалов, которые были собраны в период экспедиции. Одна из этих коллекций — «предметы кумысного производства» — состояла из 69 изделий, была собрана в Амгинском улусе, также здесь были записаны фольклорные материалы и четыре олонхо. В коллекции кумысной утвари представлены всевозможные чороны, сосуды и другие принадлежности для кумысопития.

Следующее собрание, в котором был представлен сосуд для кумыса, поступило в качестве дара в музей в 1912 г. от студента Санкт-Петербургского университета Алексея Никифоровича Никифорова. Вещи происходили из Восточно-Кангаласского улуса Тыллыминского второго наслега. Из доставленных 16 предметов имелся только один чорон на трех высоких ножках, выполненный из дерева и украшенный резным орнаментом.

В 1918 г. в Музей была передана обширная коллекция предметов быта и культа из 452 предметов. Собиратель — петербургский купец Ойген (Евгений Иванович) Александер, который в период с 1905 по 1912 г. выступал в качестве посредника в вопросе приобретения экспонатов. Он подарил МАЭ РАН 23 предметные и иллюстративные коллекции (Соболева 2007: 82). У Е. И. Александера была обширная сеть поставщиков, личное собрание купца было всеобъемлющими, например в Гамбургском этнографическом музее в сибирском фонде Е. И. Александера хранится 1500 предметов, которые были куплены у коллекционера в 1910–1914 гг. и продолжали поступать в музей после его смерти в 1913 г. от его вдовы до 1920 г. (Соболева 2007: 82).

В МАЭ РАН находится 55 образцов кумысной посуды (МАЭ, кол. № 2666). В основном это чороны, но также представлены различные экземпляры утвари для приготовления кумыса: несколько видов *симиров* — кожаный мех для приготовления кумыса, характеризуется как дорожный, для перевозки молока, сливок, кумыса; также *хабарга*, или «горло», — деревянная, украшенная резьбой, втулка, которая вставлялась в симир, к этой втулке прикрепляли мутовку для взбалтывания кумыса; также различного вида мутовки *хамнатар*, которые оканчиваются колпаком с прорезанными треугольными отверстиями, *ытык* с роговой трубкой на конце и кадь *сириусит*, выполненная из конской кожи, окрашенной в черный цвет, с украшениями в виде медных подвесок и голубых бус по верху и четырьмя медными кольцами по краю (МАЭ РАН. Описание кол. № 2666. Л. 8–14).

Спустя десять лет после поступления от Е. И. Александера, МАЭ получил еще одно собрание предметов кумысной посуды. Оно было передано Иваном Петровичем Сойконеным, который был в составе Якутской экспедиции Академии наук. Коллекция была собрана в Таттинском улусе в период с 1926 по 1927 г. В собрании представлены одно «горло» от кумысной посуды; два различных чорона на одной и трех ножках соответственно и пять матарчахов — сосудов для хранения кумыса, выполненных из дерева и орнаментированных. Три из представленных сосудов являются, согласно описи, детскими (Описание кол. № 3626. Л. 18, 22). Стоит отметить, что в этой же экспедиции, но на несколько лет раньше (поступление 1926–1927 гг.) у местных русских жителей были приобретены различные бытовые изделия, среди которых фигурирует большой чорон, сделанный из лиственницы, с геометрическими орнаментами (МАЭ РАН. Описание кол. № 3627. Л. 1).

В этом же 1928 г. у научно-технического сотрудника Верхоянского этнографического отряда КЯР Дмитрия Дмитриевича Травина музеем была приобретена коллекция, состоящая из 886 этнографических предмета (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 004. Д. 178). В данном собрании всего два предмета кумысной посуды, а именно чороны. Оба с тремя ножками «в виде конских копыт» (МАЭ РАН. Описание кол. № 4282. Л. 17, 37).

На следующий год сотрудники Якутской экспедиции АН СССР исследователи Ф. П. Славинский и А. Г. Бауэр передали в МАЭ РАН 60 предметов — орудия охоты, предметы культа, быта, модели. В составе коллекции всего три чорона, каждый из них на трех ножках. На самом большом чороне высотой 32 см и диаметром отверстия 15 ½ см вырезано изображение лошадиной головы, на чороне высотой 19 см и на «детском» в 14 ½ см — орнамент геометрический (МАЭ РАН. Описание кол. № 4688. Л. 7–8). Необходимо отметить, что, собирая эти экспонаты, один из исследователей, А. Г. Бауэр, написал работу «Этнографо-географический очерк Вилюйского края», в которой рассматривал взаимосвязь природно-климатических условий Западной Якутии и эволюции материальной культуры проживающих на данной территории народов, особенно концентрируя внимание на связи хозяйства и культуры с этнической историей (Гоголев 2005: 19).

В 1975 г. от Гавриила Альбертовича Шрамма и из фонда Андрея Александровича Попова поступило по чорону. В этом собрании есть сосуд, выполненный из дерева, поверхность которого разделена на ряд горизонтальных зон, границей которых являются орнаментальные пояски. Верхние и нижние части поддона, а также венчик окружены широким пояском из вертикальных врезок, зигзагов, одинарные и двоянные, которые сделаны как мелкие лопатовидные выемки. «По типу орнаментации чорон принадлежит к старинной посуде якутов, хорошо известной по инвентарю якутских могил XVIII в.» (МАЭ РАН. Описание кол. № 6739. Л. 3).

В трех коллекциях, преподнесенных в дар МАЭ РАН в 1984 и 1997 гг., находится по чорону. Первая коллекция поступила из личного собрания Сергея Васильевича Иванова, вторая — от неизвестного дарителя (МАЭ РАН. Описание кол. № 7092. Л. 1).

Третья коллекция, содержащая якутскую кумысную посуду, была передана кафедрой антропологии и этнографии СПбГУ в 2002 г. В коллекции два сувенирных чорона промышленного изготовления. Оба предмета принадлежали секретарю кафедры Лидии Петровне Лисенко, которой они были подарены якутскими студентами в начале 1980-х годов (МАЭ РАН. Описание кол. № 7224. Л. 27–28).

Таким образом, в собрании МАЭ РАН представлены различные изделия, связанные с культурой изготовления, хранения и потребления кумыса. Заметное место в нем занимают чороны, являющиеся символом якутской культуры. Эти сосуды привлекают исследователей своей уникальностью, самобытностью и до сих пор открытым вопросом о предпосылках появления и формирования столь необычного предмета традиционной материальной культуры. Через призму эволюции кумысной посуды и ее роли в культуре якутов, например при праздновании Ысыаха, символа якутской культуры, своеобразной миниатюрой традиционной картины мира народа саха (Якуты 2012), можно проследить основополагающие элементы традиционного уклада и мировоззрения якутов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- МАЭ РАН. Коллекция № 334.
МАЭ РАН. Коллекция № 2666.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 332.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 2666.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3626.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3627.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 4282.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 4688.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6739.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 7092.
МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 7224.
СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 004. Д. 178. Травин Дмитрий Дмитриевич, научный сотрудник КЯР. Личное дело.
Гоголев А. И. Вклад участников экспедиции АН СССР в этнографическое изучение ЯАССР // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М. К. Аммосова, 2005. № 2. С. 18–19.
Ефремов А. Н. Научное наследие В. Н. Васильева — этнографа и фольклориста // Казанская наука. 2012. № 10. С. 39–45.
Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1959. Т. 3.
История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 / сост. по поручению Совета Императорского Рус. геогр. о-ва вице-председатель о-ва П. П. Семенов, при содействии действительного чл. А. А. Достоевского. Санкт-Петербург, 1896.
Кисель В. А. Якутские чороны и их происхождение // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 70–77.
Маак Р. К. Виллойский округ. М., 1994.
Николаева А. М. Об этнографической реалии якутского народа «чорон» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113 (09). С. 1–11.
Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л., 1955.
Потапов И. А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972.
Романова Е. Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск, 1994.
Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М., 1993.
Соболева Е. С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX — начале XX века // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб., 2007. С. 78–84.

Уиницкий В. В. К вопросу о происхождении якутского чорона // Первые Потаповские чтения. Якутск, 2008. С. 124–128.

Хабарова М. В. Народное искусство Якутии. Л., 1981.

Якуты (саха) / отв. ред. А. Н. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М., 2012.

Jochelson W. Kumiss Festivals of the Yakut and Decoration of Kumiss Vessels // Boas Anniversary Volume. New York, 1906. P. 257–271.

YAKUT KOUMISS WARE IN THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE RAS

ABSTRACT. The article discusses the types of traditional ware for the preparation and storage of koumiss used among the peoples of Yakutia. Such items, stored in the Siberian Fund of the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS, can shed light on the major types, shapes, patterns and methods of manufacture of Yakut koumiss utensils. One of the main assets of the Yakut material culture is the choron, which has no parallels among other ethnic groups. Various factors, such as the harsh climate, permafrost and natural landscape of the region, have affected the specific path of development of culture and everyday life of indigenous peoples. The article aims to bring the collections of the MAE RAS to the attention of researchers and to provide an overview of those containing Yakut koumiss ware and the history of their arrival at the museum.

KEY WORDS: MAE RAS collections, koumiss ware, material culture, Siberia, chorons, Yakutia

VASILISA V. BOBROVA – Senior Curator of the Siberian Ethnographic Foundation, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: bobrovva.vasilek@yandex.ru